

УДК 94(470+571)''17/1917'':33(091)

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СЕВЕРНОМ ВЯТСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

И.Ю. Трушкова

Вятский государственный университет, 610000, Кировская область, г. Киров, ул. Московская, д.36.
arina_trushkova@mail.ru

По Столыпинской аграрной реформе в вологодско-вятское пограничье мигрировали крестьяне из Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний с 1908 по 1914 г. Их экономика адаптировалась к местным природным условиям. Много механизмов использовалось в земледелии, ремеслах. Такие ремесла, как ткачество, производство кирпича и обработка древесины, приобрели товарный вид. Согласно правительственным планам экономика этих хуторских хозяйств становилась эффективной, планируемый результат должен был быть достигнут к 1920-1930-м гг.

Ключевые слова: Столыпинская аграрная реформа, эстонские и латышские крестьяне, вологодско-вятское пограничье.

Аграрные преобразования в России в начале XX столетия оказали влияние на экономическое развитие провинциальных губерний европейской части страны. В частности, по реформе П.А. Столыпина крестьяне из Прибалтийского края переселялись в Никольский уезд Вологодской губернии (ныне Опаринский район Кировской области). Технологии интенсивного ведения сельского хозяйства, использовавшиеся в Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, адаптировались к местным условиям, что приводило к определенному экономическому эффекту в агрикультуре таежных территорий.

Представляется актуальным определение эффективности преобразований П.А. Столыпина с целью использования в российских регионах.

В XX в. вопросы истории эстонцев и латышей в рамках Советской России изучались больше с политической точки зрения [Маамяги, 1990]. Исследование проблем адаптации и этнической истории на новом месте так называемых столыпинских переселенцев проводилось на примере других регионов России [Лоткин, 1996; Черных, Голев, Шевырин, 2010]. Особенности воспроизведения материальной и духовной культуры крестьян из Прибалтийского края в вологодско-вятском пограничье лишь начинают привлекать внимание ученых.

Анализ комплекса исторических источников (архивных, экспедиционных и музейных материалов) помогает реконструировать особенности воспроизведения хозяйственного уклада эстонских, латышских и западно-белорусских крестьян в вологодско-вятском пограничье в первые десятилетия XX в.

Еще в самом конце XIX в. властями обсуждался вопрос освоения этой части Приуралья. На заседании Комитета Сибирской железной дороги 2 апреля 1897 г. государю было угодно коснуться вопроса о колонизации местностей, прилегающих к Пермь-Котласской железной линии, причем он говорил о необходимости поставить на очередь вопрос о заселении этого района, представляющего собой почти совершенно пустынную местность. «В этом отношении весьма, казалось бы, пригодными могут быть выходцы из Прибалтийского и Северо-Западного края, а также из губерний Царства Польского, конечно при условии правильной организации переселения и предоставления иноверным переселенцам возможности удовлетворения их религиозных потребностей» [РГИА. Ф. 301. Оп.2. Д. 272. Л.2].

Согласно условиям переселения уезжавшим с исторической родины полагались льготы по проезду и провозу багажа [Справочная книжка для, 1914]. Поэтому прибалтийцы, судя по воспоминаниям, привозили в район станции Опарино Пермь-Котласской железной дороги не только скот, мебель, посевной материал, предметы быта, но и достаточно «механизмов» (т.е. орудий труда для земледелия и промыслов) [Вятский археолого-этнографический архив. Опаринский район. 2011 г. Л. 18]. Первые переселившиеся появились здесь в 1908 г. Для возделывания полей и создания хуторов на отведенных участках леса приходилось изначально применять много ручного труда.

«...Лес жгли, выкорчевывали пни, подрезали им корни... оставляли сохнуть, чтобы потом легче достать из толщи земли... боронили несколько раз...» [Там же. Л. 21]. В первые годы земля обрабатывалась сохой, а не плугом. Ее изготовляли на месте, а борону изготовливали из еловых плах с длинными прочными сучьями [Парман, Воспоминания..., с. 2]. Таким образом, в процессе возделывания поля использовали сначала ручной труд и простые устройства, потом – специальные, более совершенные.

Наделы переселенцев были больше наделов местных крестьян. Пригодными для переселения в Никольском уезде признавались примерно до одной трети площади из-за распространенности болот. Поэтому даже на удобных землях нормы душевого надела в Никольском уезде были определены в 9 с лишним десятин. К примеру, в центральных и южных уездах Вятской губернии максимум составлял 5,2 десятины [РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 272. Л. 415 об., 417; Очерки по истории Вятского края, Т. 1, с. 124].

Набор выращиваемых зерновых культур был тот же, что и в месте прежнего проживания. Традиционным в уезде стало возделывание ржи, овса, ячменя, частично пшеницы. Проектной урожайности намечалось достигнуть через 10-15-20 лет [Вятский археолого-этнографический архив. Опаринский район. 2011 г. Л. 22]. О промежуточном результате можно судить по прошению переселенца Моломского района Паломской группы участка №242 Генриха Дрейхка. На свой участок он приехал в 1908 г., разработал поле, на ссуду в 100 рублей купил корову и материал для построек, а 26 сентября 1911 г. попросил другую ссуду для покупки лошади и хлеба, т.к. своего еще не хватало. «В нынешнем году я посадил 10 пуд. ржи на будущий год. А ныне получил я 30 пудов озимой ржи, и было 5 пудов овса, 4 пуда ячменя, 3 пуда яровой пшеницы и др.» [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 8. Л. 345, 345 об.]. Для увеличения урожая требовалось дальнейшее расширение посевных площадей. Известно, что в 1911-1912 гг. урожаи составляли 30-35 % нормы. При этом 65-70% зерна переселенцы закупали на стороне. «При условиях нормальной жизни, т.е. в невоенное время, продовольственный вопрос более или менее разрешается благополучно и без содействия тех или иных учреждений» [РГИА. Ф. 396. Оп. 5. Д. 1130. Л. 1]. Процесс увеличения пахотных площадей в 1911-1912 гг. еще не был завершен, поэтому недостаток хлеба приходилось компенсировать извне.

В деле интенсификации и механизации земледельческого труда переселенцы проявляли хозяйственную инициативу, в частности Моломское сельскохозяйственное общество предложило организовать сельскохозяйственный склад, где бы на очень выгодных условиях продавались сельскохозяйственные машины [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 1 – 8]. Достичь большей эффективности земледелия должна была помочь и постройка мельниц в районе переселения. В письме к заведующему Вологодско-Пермской землеотводной партией заведующий Моломским районом переселения сообщал: «...возвращая при сем прошение переселенца 132 участка бывшего Моломского района Якова Мянги, ходатайствующего о выдаче ему ссуды в сумме 300 рублей на постройку мельницы, честь имею сообщить Вашему высокоородию следующее. Мельница, почти построенная Мянги, находится в пределах его хутора на реке Чалбуне. Мельница однопоставная. Приводится в действие водяным колесом. Жернова для нее Мянги уже куплены. Вообще с осени текущего года мельница эта может быть пущена в ход. Не говоря уже о том, что странно выдавать ссуду на уже построенную мельницу, нужно сказать, что в 1-1 ½ верстах от мельницы Мянги на той же речке в 124 участке строится мельница переселенцем Яном Толмуском на ссуду, отпущенную Управлением в сумму 800 рублей. Постройка мельницы у Толмуска приближается к концу, и я нахожу нецелесообразным выдавать ссуду на постройку второй мельницы в одном и том же месте. Мельница Толмуска, приводимая в действие водяною турбиною, будет вполне способна удовлетворить потребность окружающего населения» [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 96 – 96 об.]. Инициативы по постройке водяных мельниц были столь многочисленны, что властям приходилось удовлетворять не все прошения о ссуде. Показательно, что ссуды использовали как инвестиции государства в полевые работы в так называемой «зоне рискованного земледелия».

Более ярко выражен товарный характер производства в скотоводстве. Эта отрасль хозяйства считалась такой же важной, как и земледелие. При обустройстве на хуторе прежде всего заботились о скоте. «...Купили лошадь, корову, овец, поросенка и кур. Начали сеять овес и ячмень. И клевер на корм скоту» [Парман, с. 2]. Скот частично привозили в выделенных для переезда «стольпинских» вагонах из прибалтийских губерний. Покупка коровы и лошади считалась настолько необходимой, что просились выделить ссуды для этого под залог хозяйства. Разумеется, лошадь использовалась и

для перевозки дров, товаров на станцию и т.д. [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 109. Л. 49–52]. Широкое развитие скотоводства можно объяснить значительной его распространением на исторической родине и сходством природно-климатических условий на прежнем и новом месте жительства.

Особенностью развития экономики в районе хуторов стало большее и сравнительно раннее распространение огородничества. Набор посадочных культур воссоздается по воспоминаниям: «...в дальнейшем стали сажать картофель и овощи, сеяли бобы, горох, рожь и пшеницу...» [Парман, с. 2].

Своеобразное «"включенное наблюдение" в ретроспективе» возможно при анализе мемуаров. Судя по ним, «к посадке картофеля готовились тоже заранее. Из погреба выносили картошку на кухню, перебирали и оставляли на пару недель стоять в корзинах. Подготавливали землю, но с посадкой не торопились, опасаясь весенних заморозков после всхода картофеля. В определенный день вспахивали сохой борозды, расстилали в них навоз и сажали клубни. Через некоторое время закапывали борозды сохой. Эта работа требовала навыка, чтобы борозды не получились кривыми и косыми. Подходила пора пересадки из парника рассады овощных культур. Капусту можно было высаживать в первую очередь, она не боится ночных холодов, затем высаживали брюкву и свеклу. При посадке надо было сразу поливать водой, а потом – ежедневно, если не было дождя. После посадки картофеля все поле боронили, а затем при помощи сохи окучивали. Через несколько недель окучивали еще раз. А грядки с овощами перепалывали от сорняков вручную. В период роста овощей их подкармливали навозной жижей, разведенной водой» [Парман, с. 9]. У эстонских и латышских крестьян, переселившихся в вологодско-вятское пограничье, постепенно формировались адаптированные к местным природным условиям технологии огородничества, причем сразу в значительных (товарных?) масштабах, о чем говорит запахивание участков под картофель полями и т.д.

Необычным для местного населения начала XX столетия явилось и развитие цветоводства. «Под окнами дома с западной стороны был маленький цветник с клумбами для многолетних и летних цветов. Очень красиво цвели георгины. По забору с одной стороны были кусты красной смородины. Вся площадка между зданиями служила газоном. Он был огорожен со всех сторон забором» [Парман, с. 5]. Кроме того, высаживали привезенные с родины белый шиповник, клубнику и табак [ВЭАА. Опаринский р-н, 2011. Д. 20]. Для местных крестьян было удивительным то, что цветы разводили и в домах. «У окна стоял стол. На полу в больших горшках росли фикусы, пальмы, а на одной половине стола, под другим окном росли фукс, мирта и плющ с длинными разветвлениями, подвешенными на прутьях под потолком. За цветами ухаживала Роози. Один раз в неделю, когда мыли пол, она опрыскивала и листья цветов» [Парман, с. 7]. Таким образом, хуторяне воспроизводили стиль жизни исконной территории, в частности, южной Эстонии. А жизнь и работа в баронских усадьбах могла способствовать распространению соответствующих элементов быта.

Стремление механизировать труд и сделать его более товарным привело к распространению специфичного набора промыслов. С одной стороны, наблюдалось превращение в «рыночную ипотасью» ткачества. Одна из разновидностей – создание артелей. «Как я позже узнал, шерсть расчесывали не только вручную, но и полуфабрично. Каждый год осенью кто-нибудь ездил в Опарино. Записывал людей в очередь на зиму в артель-чесальню. Эта артель выглядела как маленькая фабрика» [Парман, с. 7].

Еще одно направление – создание мастерских для выполнения заказов. Этот процесс начался в Опаринском переселенческом районе в 1911 г. Сестры Кийбер подали прошение на имя заведующего партией о зачислении за ними однодольного хутора для открытия мастерской и школы рукоделия, а также для устройства плодового сада и огорода. Заявительницы не получили разрешения [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп.1. Д. 23. Л. 118, 119]. Видимо, подобные предложения в тот момент выглядели как «дело будущего».

Важным стало инициирование строительства кирпичных заводов. Среди просителей ссуд от 350 до 500 рублей как группы хуторян, так и отдельные личности [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 23. Л. 10 об.]. Примером служит новаторство переселенца участка № 239 в Моломском районе Якоба Пурге. Заведующий районом И. Волков констатировал, что «ходатайство Пурге я нахожу заслуживающим удовлетворения, так как, во-первых, Пурге знаком с этим делом и у него уже кое-что для завода заведено, и, второе, по близости совершенно негде достать кирпича, а переселенцы имеют в нем существенную надобность. Размер испрашиваемой ссуды (350 рублей. – *И.Т.*) я считаю пре-

увеличенным, так как для постройки небольшого кирпичного завода вполне достаточно 200 рублей, да и сам Пурге в разговорах со мною указывал на эту цифру, как вполне достаточную» [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Д. 23. Л. 11, 11 об.]. Так, выделку кирпича можно рассматривать как весьма «индустриализированный» вид промыслов или в качестве мелкого, уже полностью рыночного производства.

Существенным дополнением к основным хозяйственным занятиям выступала продажа природных ресурсов, а именно леса. Переселенцы инициировали поставку к железной дороге дров и других «лесных материалов» [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Ед. хр. 76. Л. 4]. Но у местных властей возникали сомнения, смогут ли просители провозить лес с дальних делянок и не будут ли на этом наживаться перекупщики леса [ВУФ ГАВО. Ф. 69. Оп. 1. Ед.хр. 76. Л. 4, 7, 7 об.]. Продажа дров и пиломатериалов на железной дороге провоцировала и некий негатив. Могли появиться «...нежелательные элементы, имеющие цель поживиться за счет лесных богатств района, это может бить всякую предприимчивость среди переселенцев, всякое желание развивать и совершенствовать сельское хозяйство – основу переселенческого дела». Кроме того, «что касается использования мелких лесных материалов, то они закупаются архангельскими фирмами, и те планируют построить целлюлозную фабрику в районе переселенческих участков» [ВУФ ГАВО. Ф.69.Оп.1.Ед.хр. 76. Л. 8, 8об.]. Показательно, что идея организовать целлюлозное производство появилась в крае в 1911 г.

Подспорьем для «стольпинских» переселенцев постепенно стала работа на железной дороге. Тем более что до 1917 г. планировалось развивать ветки, в частности Каскинскую и «Опарино – Важня» [ВУФ ГАВО. Ф.69. Оп.1. Ед.хр. 122, 123]. В более позднее время занятость в железнодорожной сфере явилась спасением от коллективизации, определила направление адаптации рассматриваемых национальных меньшинств в условиях разрушения традиционной культуры в течение XX в.

Таким образом, основой хозяйственного уклада переселившихся в вологодско-вятское пограничье эстонцев и латышей в начале XX в. стала сельскохозяйственная работа на своих хуторах. В ней больше чем местным населением использовались средств механизации. Получили развитие такие новые отрасли, как огородничество, в том числе цветоводство и плодоводство. Служащие подспорьем промыслы быстро приобрели товарный вид. Согласно стольпинским планам на проектную мощность хуторские хозяйства вышли примерно к началу 1930-х гг.

Вопрос об эффективности хуторского хозяйства стал актуальным в 1990-х гг. Ныне в связи с возвращением рыночных механизмов в сельские, развивающиеся в суровом климате и на основе малоплодородных почв, представляется не всегда целесообразной деятельность крупных агрикультурных образований. Роль мелких и средних хозяйств на земле в вологодско-вятском пограничье очевидна.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 2012-1.2.1. - 12 - 000 - 3001 - 018 «Национальные меньшинства на территории Приуральского региона в XIX – начале XXI вв.: вопросы истории и культурной адаптации».

Список источников

- Вятский археолого-этнографический архив (ВАЭЭ), Опраинский район, 2011, 2012 гг.
Велико-Устюжский филиал Государственного архива Вологодской области (ВУФ ГАВО)
Списки переселенцев о семейно-имущественном положении. 28 июня – декабрь 1909 г. Ф.69. Оп.1. Ед.хр. 8.
О ссудах на общепользные надобности переселенцев Опарино-Моломского района. С 1909 г. Ф.69. Оп.1. Ед.хр. 23.
О ссудах на общепользные надобности переселенцев в Опарино-Моломском районе. 18 декабря 1911 г. – 1 марта 1913 г. Ф.69. Оп.1. Ед.хр. 69.
Дело о рубке леса на переселенческих участках в Опарино-Моломском районе. 11 января 1912 – 8 февраля 1913 гг. Ф.69. Оп.1. Ед.хр. 76.
Дела переселенцев Опарино-Моломского района. 27 сентября 1914 г. – 9 декабря 1917 г. Ф.69. Оп.1. Ед.хр. 109.
Исполнительская смета на устройство Каскинской дороги. 1912 г. Ф.69. Оп.1. Ед.хр.122.

Смета исполнительных работ по устройству дороги «Опарино–Важня» за время с 1907 по 1912 г. включительно. Ф.69. Оп.1. Ед.хр.123.

Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург):

По вопросу о заселении Пермь-Котласской железной дороги и отчет о работах по отведению переселенческих участков. 1897 – 1905 гг. Ф. 391. Оп.2. Ед.хр.272.

По ходатайству крестьян Курляндской губернии о переселении в Вологодскую губернию. С 1911 г. Ф.396. Оп.5. Ед.хр. 1130.

Справочная книжка для ходоков и переселенцев (переселение за Урал в 1914 году). СПб, 1914. 192 с.

Черных А.В., Голева Т.Г., Шевырин С.А. Эстонцы в Прикамье: очерки истории и этнографии. СПб, 2010. 244 с.

Библиографический список

Лоткин И.В. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев в сельских районах Западной Сибири. М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии, 1996. 200 с.

Маамяги В.А. Эстонцы в СССР. 1917–1940 гг. М: Наука, 1990. 200 с.

Парман А. Воспоминания // Фонды Опаринского районного краеведческого музея.

Дата поступления рукописи в редакцию 25.10.2012

THE ECONOMIC HISTORY OF STOLYPIN'S IMMIGRANTS TO THE NORTHERN VYATKA REGION IN THE EARLY XX CENTURY

I.Yu. Trushkova

Vyatka State University, Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia
arina_trushkova@mail.ru

The peasants from Estland, Livland and Kurland migrated to the Vologda and Vyatka borderland according to the Stolypin land reform since 1908 until 1914. They adapted their economy to local environmental conditions. Many mechanisms were used in agriculture and crafts. Such crafts as weaving, bricks production and wood processing, purchased marketability. According to the Government plans the economy of those farmsteads should become effective by the 1920s -1930s.

Key words: the Stolypin land reform, Estonian and Latvian peasants, the Vologda and Vyatka borderland.

References

Lotkin I.V. Sovremennye etnicheskie protsessy u latshey i estontsev v sel'skikh rayonakh Zapadnoy Sibiri. M.: Izd-vo In-ta etnologii i antropologii, 1996. 200 s.

Maamyagi V.A. Estontsy v SSSR. 1917 – 1940 gg. M: Nauka, 1990. 200 s.

Parman A. Vospominaniya // Fondy Oparinskogo rayonnogo kraevedcheskogo muzeya.